

Годами мы с женой спорим об одном и том же — о настоящем и о будущем: я постоянно, “как одержимый”, утверждает она, думаю о будущем. Она же постоянно, более того, как одержимая, думает о настоящем. Мы обнаружили, что во всем, даже в том, купить белый хлеб или черный, даже в том, кто из нас повезет сына в бассейн, всякий раз возникает вопрос о настоящем и будущем. Если я, например, говорю, что следует заплатить за плавание, и спрашиваю: будем платить ежемесячно либо всю сумму вперед, она, глядя на меня с ум-

ным видом человека, знающего все на свете, спрашивает:

— Вперед? А если мы вдруг умрем? Лучше платить каждый месяц.

Моя жена — противница любой перспективы за пределами текущей недели. Она говорит:

— Если мы вдруг умрем, зачем нам заниматься тем, что случится в следующий понедельник?

— Надо бы отложить немного денег на будущее, — говорю я, — мы состаримся, и нам надо будет на что-то жить, у нас дети, о которых мы должны заботиться, мы не можем позволить себе не думать о будущем.

Она смотрит на меня так, будто ей известно, как устроен мир, и знай свое: “А если мы вдруг умрем?” Она любит помечтать о путешествии в тропические страны, она за то, чтобы покупать самые дорогие в мире вина, ей хочется попробовать всё на свете (ладно, не всё, конечно, знаю — то есть не знаю, а надеюсь, что не всё), потому что она говорит:

— Попытка не пытка, ведь мы можем неожиданно умереть и упустить что-то важное.

Легко представить себе выражение ее лица, когда я пытаюсь предложить покупку квартиры в кредит: ежемесячные выплаты нам по силам — разумеется, при условии экономии на всем, ибо важно вложить деньги, поскольку на старости лет... Она смотрит на меня в упор и спрашивает:

— А если мы вдруг умрем?

Одним словом, для моей жены будущего не существует. Существует бесконечная череда настоящих, которыми мы должны немедленно воспользоваться, ибо можем неожиданно умереть.

Когда я слышу от нее: “Возьмем все деньги, какие у нас есть, и поедem в Полинезию. Зачем сидеть на деньгах?” — я каждый раз спрашиваю себя: но если мы вдруг умрем, на что нам сдалась перед смертью Полинезия? Кому после смерти мы скажем, что были в Полинезии? Какая разница между покойником, побывавшим в Полинезии, и покойником, который там не был? Допустим, рай существует и у врат его дежурит святой Петр, неужели мы ему скажем: “Имейте в виду, мы были в Полинезии”? На это он нам, скорее всего, отве-

тит: “А какая мне, извиняюсь, разница, были вы там или не были?”

Я знаю, что моя жена лучше, чем может показаться с моих слов; знаю, что стоит мне заикнуться о кредите, как она теряет ко мне интерес. Знаю, что, влекомая страстью пустить все деньги на ветер, она выглядит очень привлекательной, даже соблазнительной. Я знаю, что, если бы снимали фильм, в нем показали бы университетского профессора, который говорит студентам “ловите момент”, “живите настоящим”, а не крохобора, который аккуратно откладывает деньги, чтобы было чем платить налоги, и когда приходит время их платить, деньги у него всегда есть, потому что он человек предусмотрительный. Однако жизнь такова, что в ней существует и настоящее, и будущее. Совершенно верно и то, что зачастую человек строит кучу планов, думает, что у него все впереди, что он успеет переделать массу дел, и вдруг умирает, а значит, не было смысла смотреть в будущее. Есть, правда, одна вещь, которую не учитывает моя жена,

хотя в ее философствовании есть своя логика: моя жена исключает возможность не менее значительную, нежели та, о которой она говорит.

А если мы не умрем?

Совершенно верно, мы можем умереть неожиданно, сбитые автомобилем или при пожаре, а то и от неизлечимой болезни или от инфаркта. А если этого не случится?

Если мы состаримся и все деньги потратим в Полинезии либо невесть где, что мы скажем другу другу? Что, к сожалению, не умерли и остались на бобах? Мы спросим себя: почему мы не умерли, черт возьми?

В итоге все мои споры с женой сводятся к этому философскому, в общем-то, диалогу.

Она говорит: “А если мы умрем?”

Я же говорю: “А если мы не умрем?”

Настоящее и будущее в этом экзистенциальном диалоге раздваиваются, противостоят друг другу, стараются набрать себе побольше очков. Но правда в том, что будущее и настоящее переплетаются, одно является следствием другого.

И можно брать все возможное от настоящего, но одной ногой стоять в будущем, помня об угрозе неожиданной трагедии, которая может настигнуть нас, а может и не настигнуть.

Так что приходится постоянно признаваться жене, что я думаю о будущем, не могу не думать. Само мое писательство — долгосрочный проект, мысли о том, что написанное мной кто-то увидит через несколько лет. Думай я: “А если я умру?” — я бы больше не писал.

Жена неуверенно кивает головой. Но как только мы слышим, что у кого-то инфаркт, неизлечимая болезнь или что кто-то попал в аварию, я не хочу сказать, что она радуется, избави боже, напротив, она огорчена. Но сохраняет присутствие духа и бросается ко мне, чтобы сказать: “Вот видишь, какова жизнь. Незачем строить планы, а вдруг ты попадешь в аварию, или у тебя случится инфаркт, либо окажется, что ты тяжело болен...” В общем, единственное, что тебе остается, — сесть в самолет и лететь в Полинезию (понятия не имею, чем ее так привлекает Полинезия).

Если уж следовать до конца философской концепции моей жены, когда она предлагает мне поездку в Полинезию, ибо мы все равно умрем, я мог бы спросить ее, следуя той же логике: какой смысл наслаждаться жизнью, если все равно мы умрем? Или сформулировать короче: зачем жить, если мы умрем?